

ИТОГИ «РУССКОГО ПРОГРЕССА»

Публикуемый текст — начало фельетона Слепцова, посвященного сатирическому подведению итогов первого десятилетия «русского прогресса». Продолжение фельетона не найдено, но оно, несомненно, существовало. Фельетон был не только закончен, но, по-видимому, и набран для «Современника». На полях публикуемой рукописи имеются пометки, свидетельствующие, что она побывала в типографии (сделана разметка шрифта — «корпусом», указаны фамилии наборщиков). Хотя в цензурных делах «Современника» мы не нашли следов официальной переписки по поводу фельетона «Речь, за которую я мог бы быть изгнан...», не подлежит сомнению, что статья эта не появилась в печати по мотивам цензурного характера. Когда выяснилась невозможность помещения «Речи...» в журнале, то рукопись была возвращена Слепцову, очевидно, тогда он и внес в текст некоторые поправки, превратив рукопись местами в черновик.

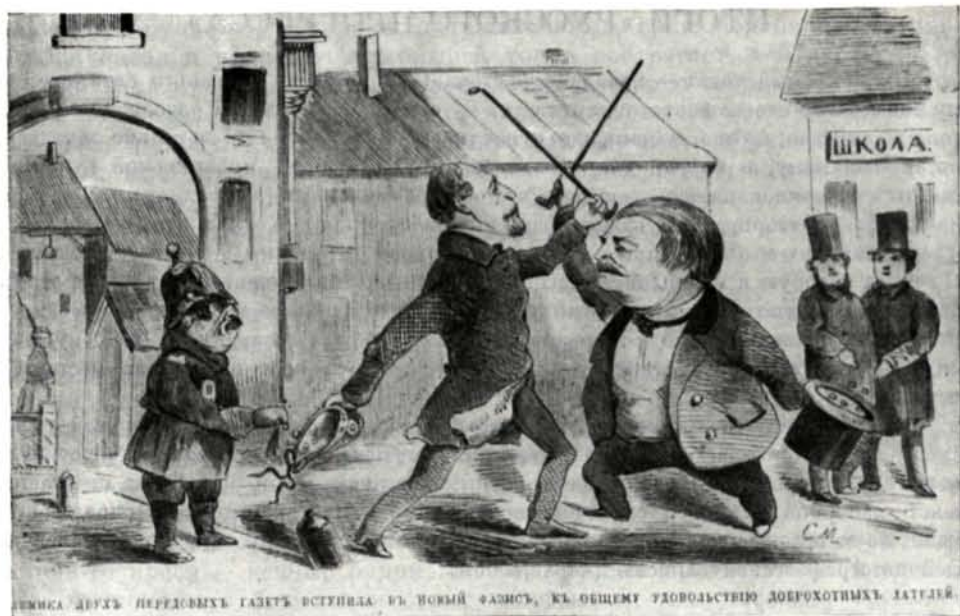
Часть публикуемого текста сохранилась в бумагах писателя еще и в другой рукописи: беловом автографе (от начала до слов: «...„Езда на Остров любви“ уступила место более коротким, но не менее приятным поездкам — *в зубы*»). Ниже печатается текст наборной рукописи с учетом позднейших поправок автора. Поправки эти были, по-видимому, сделаны одновременно с имеющейся на полях рукописи следующей автографической записью (карандашом):

Речь
Досадное положение
Губернская пресса
Письмо из Москвы
Игры и зрелища.

Слепцов перечислил здесь заглавия своих фельетонов, которые, вероятно, намеревался объединить в особый цикл. О замысле нового цикла под названием «Скромные упражнения» Слепцов писал во введении к одному из названных выше фельетонов «Досадное положение» при его публикации в девятой книжке «Современника» 1865 г. Новый цикл, однако, распался, как и предшествующий ему цикл 1863 г. — «Петербургские заметки». Фельетон «Губернская пресса» Слепцов закончил и поместил в той же книжке «Современника» (он перепечатывается ниже). Остальные два фельетона, заглавия которых приведены на полях автографа «Речь, за которую я мог бы быть изгнан...», остались незаконченными. Наброски этих фельетонов — «Письмо из Москвы» и «Игры и зрелища» — сохранились в бумагах писателя и печатаются в настоящем томе.

Публикуемый текст не содержит признаков, позволяющих с полной точностью установить время работы над ним Слепцова. Но общая датировка замысла фельетона не представляет затруднений. Она определяется начальными словами фельетона: «Русский прогресс вступил во второе десятилетие своего существования в нашем отечестве». По «календарю» того времени счет «русскому прогрессу» велся ото дня смерти Николая I — 18 февраля 1855 г. Можно, таким образом, предполагать, что фельетон готовился Слепцовым для одного из весенних или летних номеров «Современника» 1865 г.

Уже само заглавие фельетона — «Речь, за которую я мог бы быть изгнан из Общества любителей российской словесности, если бы вздумал ее прочесть в одном из заседаний» — давала представление об идейной позиции автора. Задумав полемическую «речь», Слепцов колебался лишь в обозначении места, где именно произнесет ее оратор, либо в Обществе любителей российской словесности — цитадели либерализма, либо в императорской Академии наук — цитадели официальной идеологии. В упомянутой выше переписанной набело части рукописи фельетон назывался иначе: «Речь, за которую меня вывели бы из императорской Академии наук, если бы вздумал прочесть ее в одном из заседаний». Оценка в «Речи...» эпохи реформ, «русского прогресса» противоречила и консервативной и либеральной точкам зрения. Поэтому автор подобного «выступления» мог быть подвергнут остракизму в равной степени как в том, так

«ПОЛЕМИКА ДВУХ ПЕРЕДОВЫХ ГАЗЕТ ВСТУПИЛА В НОВЫЙ ФАЗИС...»

Слева: редактор «Московских ведомостей» Катков; справа: редактор газеты «Голос Краевский»
 Карикатура неизвестного художника
 «Искра», 1865, № 35.

и в другом учреждении. С первых же строк фельетона Слепцов вводит в него ряд примет времени. Обозначением двух периодов в «нашем развитии» — «воспалительном» и «хроническом», картиной борьбы, движения Слепцов создает представление об основных явлениях исторической действительности 1855—1865 годов: общественном подъеме после Крымской войны и смерти Николая I, революционно-демократическом натиске, подготовке и осуществлении реформ «сверху», начале периода реакции. Переживаемый период дан и в обобщающей формуле — «в это трудное время» — и в конкретных образах эзоповского языка: «суровый климат», «зимние стужи», «вьюга», «гробовое молчание», «сиди смирно». Обращение к политике реакции выглядит в изображении Слепцова закономерным итогом правительственного «либерализма», насаждения реформ «сверху»: «...русский прогресс, начавшийся, как известно, „Ездою на Остров любви“, — пишет Слепцов, — скоро должен был изменить это приятное направление: гуманное движение, вначале имевшее такой успех в нашем отечестве, быстро заменилось другим столь же энергичным движением. „Езда на Остров любви“ уступила место более коротким, но не менее приятным поездкам — *в зубы*»*.

Автор «Речи...» скептически относится ко всякого рода либеральным обещаниям. Язвительно сравнивает он стремление идеологов либерализма загипнотизировать общество благими начинаниями, гадательными прогнозами будущего («Новейший оракул и снотолкователь», составленный «по течению планет профессором натуральной магии <...> г-ном Боско»).

На полях рукописи «Речь...» Слепцов написал слова, которые, по-видимому, собирался использовать для характеристики политических «кудесников» и «оракулов»: «звездочеты», «нашептывание», «чары», «волхование».

* В упомянутом фрагменте белой рукописи «Речи...» Слепцов после слов: «Ездою на Остров любви» — делает сноску: «„Ездою на Остров любви“ называется одна из сентиментальных поэм Тредьяковского» (ЦГАОР, ф. 95, оп. 2, ед. хр. 184, л. 2 об.).

В «Речи...» выражено враждебное отношение автора к реакционной идеологии социального смирения. Писатель полемизирует, например, с «почвенниками»: «...нужно уметь любить» (как справедливо выразилась «Эпоха»). Слепцов имеет тут в виду один из программных документов «почвенников» — «Объявление о подписке на журнал „Эпоха“ в 1865 году». Анонимный автор «Объявления» — им был, как известно, Ф. М. Достоевский — писал: «Не хулить, не осуждать, а любить уметь — вот что надо теперь наиболее настоящему русскому. Потому что кто способен любить и не ошибается в том, что именно ему надо любить на Руси, — тот уж знает, что и хулить ему надо» («Эпоха», 1864, № 8).

В этих словах деятели «Современника» (Антонович, Салтыков-Щедрин, Слепцов) справедливо усматривали полемический выпад против революционных демократов. «„Мало обличать — любить надо“, — прорицали когда-то „наши почвенники“, тонко инсинуируя, что обличение равносильно отсутствию патриотизма и измене», — писал позднее Салтыков-Щедрин («Пестрые письма». — Щедрин, т. XVI, стр. 260. См. также М. А. Антонович. Литературные мелочи. — «Современник», 1864, № 9-10).

В этом месте фельетона Слепцов пользуется обычным для его эзоповой манеры приемом переключения одного ряда понятий в другой. Приведя слова Достоевского из «Объявления», он перифрастически продолжает их: «нужно знание правил, кому, когда и как съездить в зубы. Без этого же знания легко попасть впросак: съездить в зубы тому, кого следует любить, или, наоборот, начать любить того, кому должно съездить в зубы».

Автор «Речи...» сохраняет оптимистическую перспективу. Он знает, что подлинное «древо прогресса» — революционно-демократическое движение конца 50-х — начала 60-х годов — сильно пострадало в «годы испытаний». Но «растение цело», автор убежден, что «с наступлением ясных весенних дней» — нового демократического подъема в стране — оно будет «готово раскинуть свои стебельки на радость нам и на удивление всему свету».

КАРИКАТУРА, ХАРАКТЕРИЗУЮЩАЯ КРЕПОСТНИЧЕСКИЕ ПЕРЕЖИТКИ В ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРАВАХ

Гравюра с рисунка Н. Русина

«Искра», 1865, № 1

«...русский прогресс, начавшийся, как известно, „Ездою на Остров любви“, скоро должен был изменить это приятное направление: гуманное движение, вначале имевшее такой успех в нашем отечестве, быстро заменилось другим столь же энергичным движением. „Езда на Остров любви“ уступила место более коротким, но не менее приятным поездкам — в з у б ы» (Из фельетона Слепцова «Речь, за которую я мог бы быть изгнан...»)

Сегодня, пожалуй, съезжаю немного кизитона. Втечении года усплю тысяч раз в день съездить куда съездеть.

РЕЧЬ, ЗА КОТОРУЮ Я МОГ БЫ БЫТЬ ИЗГНАН ИЗ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ, ЕСЛИ ВЫ ВЗДУМАЛ ЕЕ ПРОЧЕСТЬ В ОДНОМ ИЗ ЗАСЕДАНИЙ

Милостивые государи!

Русский прогресс вступил во второе десятилетие своего существования в нашем отечестве. Насажждение этого нежного чужеземного растения, как известно, было искусственное, а потому и не должно удивляться медленности его роста. Многие трудные годы прошли в упорной борьбе с превратностями нашего сурового климата, много слез нужно было пролить прежде, нежели древо прогресса успело окрепнуть и пустить свои робкие корни в нашу холодную мать-сыру землю. Не дешево достались, однако, и самому растению все эти жертвы, недаром прошли для него годы испытания. В это трудное время знобили его зимние стужи, заметали вьюги, в непогожую пору крепкий ветер качал и гнул его на все стороны, а по ночам налетали на тонкие ветви разные хищные птицы и с криком ломали молодые побеги. И вид его уж не тот, что был прежде: много нежных бутонов погибло от стужи, другие же срезаны заботливою рукою садовника; но, несмотря на все это, растение цело и с наступлением ясных весенних дней готово раскинуть свои стебельки на радость нам и на удивление всему свету.

Милостивые государи! Мы вступаем во второй период нашего развития. В настоящую минуту мы находимся на рубеже между двумя периодами и переживаем кризис. Такого рода положение дает нам возможность хладнокровнее взглянуть в наше прошлое и серьезнее подумать о будущем.

Первый период нашего развития по всем признакам был период воспалительный, сопровождавшийся всеобщим лихорадочным состоянием, необыкновенным жаром, с которым преследовались всякие злоупотребления, напряжением, доходящим до рези и, наконец, обильнейшим течением самых злокачественных мыслей в литературе. Теперь наступает второй период — хронический, затяжной: жар унялся, в конопляном молоке мы уже больше не чувствуем необходимости и мало-помалу снова начинаем приобретать прежнюю игривость, хотя всё еще не можем обойтись без некоторой поддержки (*suspensorium*). Капля за каплей беспечно текут наши дни. Мы можем пить водку, можем даже иметь детей, но уже о прежней чистоте и непорочности и думать нечего: они утрачены навеки. Да не в том сила. Однажды утраченная непорочность — невозвратима, следовательно, и толковать об этом не стоит. То умственное rastление, которому мы подверглись в последнее время, послужило только новым доказательством того, что мы приобщились великому делу цивилизации, стало быть, вкусили и растлевающих плодов ее. Без этого нельзя. А главное то, что мы напали-таки на настоящую дорогу. Вот в чем сила. Случилось же это таким образом: русский прогресс, начавшийся, как известно, «Ездой на Остров любви», скоро должен был изменить это приятное направление: гуманное движение, вначале имевшее такой успех в нашем отечестве, быстро заменилось другим столь же энергичным движением. «Езда на Остров любви» уступила место более коротким, но не менее приятным поездкам — *в зубы*. Такие быстрые переходы и такая непоследовательная перемена вкуса свидетельствовали только о нашей незрелости и доказывали, что развитие для нас дело непривычное и что без руководства нам в этом случае обходиться рано. Но мы этого долго не понимали. Да и вообще мы очень многого не понимали в то время. Мы не понимали, например, что прежде всего нужно «уметь

любить» (как справедливо выразилась «Эпоха») и уметь съездить в зубы; что во всяком благоустроенном обществе есть такие члены, которым предоставлено исключительное право — любить, потому что они *умеют* любить и в точности знают, кого и как любить следует. Мы не понимали и того, что искусство съездить в зубы составляет своего рода специальность и должно быть предоставлено особому рода художникам-дантистам, которые, в свою очередь, руководствуются правилами, на сей предмет установленными, так как и для совершения даже этой простой и, по-видимому, нехитрой операции нужно знание правил, кому, когда и как съездить в зубы. Без этого же знания легко попасть впросак: съездить в зубы тому, кого следует любить, или, наоборот, начать любить того, кому должно съездить в зубы.

Ну, а мы этого ничего не знали, мы даже этих простых элементарных сведений не имели, отсюда те бесчисленные ошибки и недоразумения, которыми так изобилует первый период нашего развития. Наконец мы поняли, что наше дело дрянь. Беспомощность, в которой мы очутились, заставила нас подумать о нашем положении. Мы и подумали, а подумав, пришли к тому заключению, что мы действительно беспомощны, что нет у нас таких правил, которыми бы мы могли руководствоваться при новых обстоятельствах; а известно, что без правил плохо. Что же касается кратких поучений, вроде того, что «любезное дитя, сиди смирно, не ковыряй в носу» и т. д., поучений, завещанных нам историею, то и эта последняя отрада потерпела в наши дни такие изменения и слова в ней до такой степени перепутались, что и на нее никак нельзя было положиться, «сидеть смирно»-то даже нельзя было с полной уверенностью, <что> так и следует, потому что завтра в этих словах могут произойти перемещения, которые повлекут за собой новые недоразумения.

На что уж, кажется, надежное средство было в старые годы гробовое молчание? Но скоро мы убедились, что и на это всеильное оружие не всегда можно рассчитывать, что и оно не всегда может служить знаком согласия и что если, например, все громогласно выражают одобрение, то молчание одного человека может быть принято за отрицание. Одним словом, и с этой стороны поддержки не было никакой, все нам изменяло. Понятно, что долго оставаться в таком положении человек не может, что он или с горя должен запить, или решиться на какую-нибудь отчаянную выходку. И один бог знает, до чего бы мы дошли, если бы не изменились обстоятельства и не подоспело к нам на выручку второе издание, просмотренное, дополненное и снабженное объяснениями и примечаниями, издание «Новейшего оракула и снотолкователя», составленного по течению планет профессором натуральной магии и разных египетских орденов кавалером г-ном Боско. Благодаря этому драгоценному сочинению, положение наше значительно изменилось к лучшему: из безвыходного оно превратилось в гадательное. Как бы то ни было, а все-таки шаг вперед: враги ли твои замышляют против тебя, понесешь ли убытки в торговле — «возьми двумя перстами зерно пшеничное и брось его в самую средину круга!» — и уж непременно что-нибудь да выйдет. По крайней мере человек не оставлен на произвол судьбы и знает заранее, где искать совета и утешения. Страшный ли сон напугает тебя, и сейчас ты находишь ему объяснение. Как хотите, а это тоже чего-нибудь да стоит. Нельзя же всё вдруг, а пока и то хорошо.

Но вместе с тем нельзя не признать, что и на этот раз, как и всегда, не замедлила обнаружиться и неприятная сторона дела...

<1865 г.>